

ІСТОРІЯ ПОВСЯКДЕННОСТІ

ХЛЫНИНА Т.П.

ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1920 - 1930-х гг.: ГРАНИЦЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ, ПРАКТИКИ ОСВОЕНИЯ

Статья посвящена пространству повседневной жизни советского человека 1920-1930-х годов. Рассматриваются границы, социальные функции, практики его освоения. Подчеркивается неоднородность пространственной организации советского общества.

Пространственная организация жизни советского человека эпохи раннего тоталитаризма - сюжет в отечественной историографии если и не новый, то, во всяком случае, слабо разрабатываемый. Воспетые в песнях просторы первого в мире государства победившего социализма на страницах исторических сочинений свелись лишь к сухой констатации впечатляющих размеров его территории, со временем ставшей незыблемым символом гордости и величия советского человека. Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, значение и место пространства в его жизни выходило далеко за пределы сугубо символического предназначения и нередко опровергало устоявшиеся представления.

Так, при внимательном изучении эпистолярного наследия людей 1920-1930-х годов выясняется, что их *“пространственная”* жизнь была не столь широка, как об этом поется в известной советской песне. Необъятность родных просторов для подавляющего большинства по преимуществу крестьянского населения сводилась к неустроенности быта затерявшихся в глуши деревень, чье местоположение на карте определялось расстоянием от ближайшего районного центра или железнодорожного полотна. В одном из типичных для того времени писем с характерным названием *“Отчего в нашей деревне темнота вывелась?”* автор, предваряя суть излагаемой проблемы, очерчивает географию своей деревушки: *“далеко-далеко от сердца республики Москвы затерялась в густых лесах [и] оврагах наша заброшенная бедная деревня Самылово Мантуровской волости. Работники из волости и деревни редко заглядывали в нее, но крестьяне на это не обижались: “Чего мы их не слышали! Живем, как отцы и деды наши жили, - да и ладно!”. И верно наша деревня Самылово была самой незначительной и отсталой деревнюшкой. Жизнь в деревне была все по старинке. Не было в ней ничего нового, хорошего, светлого”* [1].

Несмотря на то, что речь велась о Костромской губернии, находившейся от Москвы чуть более 300 км, пространство, их отделяющее, виделось огромной пропастью, границей между светлой новой жизнью и темнотой, унаследованной от старого порядка. Представления о том, что свет глубоких перемен к лучшему исходит из города, масштаб которого не имеет принципиального значения, весьма характерны для народного сознания того времени. При этом город ассоциируется с другой, неизвестной крестьянину жизнью - *“железными брянскими плужками”* и *“читалками, что горизонты сознания выводят за пределы прежней убогости”*, сознательностью и грамотностью [2].

При этом многие горожане имели за плечами крестьянское прошлое и не понаслышке представляли себе невзгоды и трудности сельской жизни. Поднятые с насиженных мест революционными потрясениями начала прошлого века, они

оседали в городах, сохраняя память о родных местах. В своем письме к И.В.Сталину 15-летний пионер И.Тарлинский, излагая географические мытарства своей семьи, с гордостью писал, что он сын трудового народа, чьи родственники жили в деревне: *“мой дед, у которого я живу в настоящее время, был крестьянином Иркутской губ. В.-Удинского уезда села Петровского, но вот раз после неурожайного года он с семьей и в том числе и с моим отцом выехал на ст. Хилок и открыл лавку. Все шло спокойно до 1905 г.,... наступила реакция, в Хилок приехал ген. Рененкамф с карательной экспедицией, дедушка был арестован и находился в течение некоторого времени под угрозой расстрела, но, благодаря ошибке ген. Рененкамфа отделался отсидкой в Алексеевском рavelине, пока не улеглась вспышка реакции и все карательные отряды покинули Сибирь... Отец мой во время ареста деда, бежал и скрывался в бурятских улусах, а в последствии был выслан в Верхне-Удинск под негласный надзор полиции как неблагонадежный элемент. Во время революции 1917 г. отец с семьей и в том числе со мной жил в Троицкославске..., а когда Верхне-Удинск заняли Красные войска, приехал сюда”* [3].

За сравнительно небольшой промежуток времени семья поменяла несколько населенных пунктов, став типичным для того времени *“перекати-полем”*, утрачивавшим родные корни и неизбежно вспоминаяшим о них в трудные периоды своей жизни [4]. Автор письма обращается к ним в тот момент, тогда ему необходима рекомендация для вступления в комсомол. Деревенское прошлое его семьи в данном случае уже не рассматривается пространством темноты и невежества, а выступает в своей другой ипостаси - места, заслуживающего доверия и не зря прожитой жизни. Таким образом, по мере продвижения строительства нового общества топос деревни, вернее принадлежность к определенной части ее населения, обретает качество социальной благонадежности.

Для конструирования топоса рассматриваемого времени примечательно его увязывание с конкретной местностью, имевшей точные административные координаты, и встраивание в более широкое пространство. Точность атрибутирования местоположения адресата с указанием названия населенного пункта, его уездной и волостной принадлежности, а зачастую и протяженности, становится визитной карточкой многочисленной корреспонденции 1920-1930-х годов. Даже описывая какие-либо происшествия, респонденты старались подчеркнуть взаимосвязь с вызвавшим их к жизни местом. В небольшой заметке 1925 г., рассказывавшей о групповом изнасиловании в деревне Зайцево Киебаковской волости Барского кантона Башкирской республики, селькор пишет, что произошло оно в неказистой сборной избе, предназначенной для проведения культурных мероприятий: *“Никольско-игровский комсомол просветительских работ никаких не проводит, кроме нескольких жалких спектаклей, которые ставит в сборной избе починка Никольского, которая имеет общирность 28 квадратных аршин”* [5].

Размеры избы сопоставляются с крайне неудовлетворительной деятельностью деревенского комсомола, по чьей халатности пространство обыденной жизни заполняется не *“произведениями высокого искусства”*, а распушенностью и хулиганством. В данной связи весьма показательно позиционирование избы как культурного центра, призванного приобщить крестьянство к настоящей и светлой жизни. Именно таким центром являлась самыловская изба-читальня, где слушались доклады, велись беседы и читались всякие газеты [6].

Вместе с тем, пространство воспринималось не только как граница между старым и новым, но и как маркер социальной дистанции. В одном из писем,

адресованных “Крестьянской газете” и датированном 1926 г., респондент из деревни Лезно Чудовской волости Новгородской губернии рассказывал о беспорядках в детских яслях. Его источником называлась заведующая Елисеева – “бывшая учительница (снята проверкою со школьных работников), воспитанница какого-то генерала, говорит, что она назначена Новгородом и вовсе не обязана отчитываться перед деревенскими бабами и, “наконец, я им не подруга, чтоб они называли меня на “ты” и не для того же я училась, чтоб всякая грязная баба стала мне указывать свои порядки”, а когда ей посоветовали держаться поближе к крестьянке, то ответила, что для этого она знает “известные границы” [7].

Граница между “своими” и “чужими” пролегла не только по признаку происхождения и полученного образования, но по возможности “пользования всякого рода благами”. Речь, прежде всего, велась о возможности “пожить в барских особняках”, которые в большом количестве передавались под санатории или жилье. Наличие отдельной квартиры, символизировавшей пространство частной жизни, на фоне острого жилищного кризиса воспринималось отметиной старой жизни. Анонимный автор в своем письме В.И.Ленину, датированном 1921 г., в данной связи возмущенно писал, что “...во всех крупных промышленных городах Советской России наблюдаются такие явления, которые совсем не говорят о существовании диктатуры пролетариата. Я хочу указать на самые оскорбительные из них. В городе (в данном случае Казани, но это бывает, как я указал во всех крупных городах) живут много из бывших крупных фабрикантов и буржуев, входя в квартиры которых думается, что настало опять “старое доброе время”. Эти господа и не знают, что идет гражданская война, что власть находится в руках рабочих. Они, как прежде, живут в роскошных, обширных и теплых квартирах с роскошной мебелью, в кухне, где можно встретить жирного повара с белым колпаком, который варит или жарит, массу разной прислуги, опять звучат эти слова “барин”, “барыня”, а летом они, как прежде, едут “отдыхать” на дачи. И это в то время, когда у нас диктатура пролетариата, а рабочие почти голодают и холодают, и по-прежнему живут в тесных, сырых конурах. Когда я это вижу, мне просто становится стыдно за пролетарскую революцию... Почему рабочих не переводят в буржуазные квартиры, а буржуев в рабочие подвалы?” [8].

Подобные письма свидетельствовали о начавшейся инвентаризации пространства и его инверсии: новая жизнь теперь ассоциировалась со старой благоустроенностью, которая нередко виделась “раем на земле”. Именно так воспринял свое “курортное путешествие” В.К.Куликов, уроженец глухой сибирской деревни Николаевской Устьянского района Каннского округа Елисейской губернии, проведенный на курорте Усолье полтора месяца: “я не знаю, по какому счастью мне, грешному бедняку, пришлось попасть в рай... Когда я был в восхищении представлен к воротам этого рая, грязный, оборванный грешный, от сохи крестьянин, то мне представилась следующая картина: ко мне откуда-то явился Ангел в чистой белой одежде и повел меня по мытарствам, которые мне неминуемо было пройти, как грешнику бедноты. И вот первое мытарство: с моей головы остригли начисто волосы и потом обобрывали мне бороду, и я во всем подчинялся. После этого другой Ангел повел меня в теплое и светлое помещение, где мне было дано мыло и какое-то мягкое вещество, и мне было сказано чисто умыться под фонтаном чистой теплой воды... Пройдя это

мытарство, передо мною явилась чистая, белая и красивая Ангельша, которая повелела мне следовать за ней... Она привела меня в чистое и светлое помещение, где мне было уготовано место покоя" [9].

Дальнейшие "мытарства" крестьянина привели его в уютную и чистую столовую, где подавалась исключительно "райская" пища. Однако по скромности и незнанию ему удалось отведать лишь русского борща, наименование остальных блюд, значившихся в карте, он попросту не знал. Огорчало крестьянина только одно - конечность земного рая, который заканчивался возвращением в "свой местный деревенский ад, где мне опять должны представиться ветхая изба, а в ней малолетние ребятишки в изорванных и грязных рубашонках. И мне потом опять этот рай будет представляться как будто во сне" [10].

Новым в пространственном восприятии мира становилась чистота занимаемого человеком помещения, которая отграничивала его от грязи старого мира. Чистота оказывалась непременным атрибутом перерождения, освобождения от пут прошлого и гарантом его неповторимости. Недаром самые отрадные воспоминания современников того времени были связаны с посещением бани или "душевой на заводе".

Наиболее распространенным способом овладения пространством новой жизни стали широкие кампании по переименованию улиц, городов и наречение детей именами великих революционеров и памятных событий. Следует отметить, что в 1920-е годы в пространственном ландшафте российского города еще не происходит сколько-нибудь существенных изменений, которые отличали бы его от дореволюционного состояния.

Так, согласно программе "Описания санитарного состояния городов Российской империи", подготовленной Министерством внутренних дел и разосланной в качестве "ведомственного циркуляра" органам общественного управления, пространство, занимаемое городской Майкопской равниной, на 1 января 1895 г. составляло около 8 кв. верст [11]. В городе насчитывалась 51 улица, из которых только 1 была замощена полностью, 2 наполовину, а остальные нуждались в скорейшем благоустройстве; 5 площадей, покрытых массивным булыжником, и 1 общественный сад. Разделенный на две части, город располагал торговыми банями и скотобойней, чье наличие вызывало особую санитарную обеспокоенность властей, водосточными ямами и очищался от "грязи и мусора самими домовладельцами" [12].

Послереволюционный облик города значительных изменений не претерпел. Как свидетельствовал доклад Майкопского городского совета, подготовленный в 1923 г. по основным вопросам благоустройства, "в этом отношении Майкоп оставляет желать лучшего даже в дореволюционное время. В период же империалистической и особенно гражданской войны городское хозяйство замерло и при полной бесхозяйственности... все подверглось разрушению". Одним из насущных вопросов благоустройства по-прежнему оставалось мощение улиц. В городе при общей длине всех улиц около 60 верст замощено всего лишь около 4 верст, т.е. около 6-7% [13].

В ознаменование 15-й годовщины Октябрьской революции улицы и районы города приобрели соответствующие наименования. Так, Покровский район города стал Красногвардейским, улица Тульская была переименована в Красногвардейскую, Базарная - в Партизанскую, улица Клубная получила имя Т.Швеца (первого военного комиссара Майкопа), Погорелая - Т.Костикова (бывшего комиссара станицы Курджипской), Константиновская - Могилина (командира красногвардейских частей), Ханская - Саватеева (бывшего

заслуженного революционного работника), Подгорная - Чуйкова, Полевая - Жукова, Курганная - Никитенко (командира 4-го Майкопского батальона) [14].

Широкое распространение в эти годы получили “красные крестины” - обряд вписывания новорожденного в несколько пространственных локусов. Так, крещение ребенка члена Кременчугского райкома Союза деревообделочников приобщило его посредством наречения именем “славного вождя т. Ленина (НИНЕЛ)” к делу революции. В данной связи председатель собрания дает торжественную клятву “воспитать ребенка в коммунистическом духе” и выражает надежду, что “новый член общества будет с гордостью носить имя нашего великого учителя” [15]. Затем ребенка зачисляли кандидатами в члены Всероссийского союза деревообделочников, группу юных спартаковцев и ряды Коммунистического союза молодежи. Последним эстафету принимает представитель РКП, отмечая, что “пройдя вышеуказанные школы коммунизма, последняя должна будет вступить в боевые ряды РКП, каковая, закаляя ее в революционной борьбе за наши заветные идеалы, создаст из нее истинную защитницу интересов рабочего класса” [16].

Завершался обряд посвящения зачислением новорожденной в отряд борцов за мировую революцию: “Ты родилась в момент ожесточенной классовой борьбы во всем мире, и когда рабочие Германии окружены врагами и предателями, хотя бы дать решительный бой буржуазии по примеру русских рабочих они готовятся взять власть в свои руки. Вместе с рабочими Германии будет бороться и весь мировой пролетариат. И до тех пор, пока капитализм из всех уголков земного шара, нас ждет лишения, труды и жертвы. Мы не отступим перед ними, через все препятствия мы прорвемся к победе. Уже занялась заря новой жизни над измученной землей. Пусть горит яркое солнце коммунизма. В твоём лице мы приветствуем светлое будущее, ради которого мы готовы пойти на всякие жертвы. Мы даем тебе имя...” [17].

Вместе с тем, по мере уплотнения пространства и его освоения на фоне начавшихся форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства центрами притяжения населения все чаще становились города. Начавшиеся с конца 1920-х годов и достигшие своего пика во второй половине 1930-х годов перебои со снабжением продуктами питания превращали город в сосредоточение нескольких пространств сразу - городской округи и деревни, население которых видело в нем порой единственную возможность “разжиться хлебом”. В письме М.И.Калинину, датированному 1937 г., рабочий В.Третьяков из г.Новозыбкова Западной области сообщает о той “ненормальной ситуации, что сложилась здесь в смысле продовольствия”.

Наличие в городе нескольких закрытых распределителей и принятое правительством решение о получении хлеба в порядке живой очереди привели к его полному исчезновению: “У нас хлеб выпекают по норме населения города, а того не учтут, что близлежащие села и деревни 65% хлеба забирают, и придя из деревни, ночуют около магазинов. На почве этого происходят вражда и скандалы, а не смыка города и деревни, и они не виноваты. На село до 1/1 - 37 г[ода] возили хлеб, а с 1/1 это прекратили, и они хлынули в город. Даже, мало этого, есть такие районы, как Климовский, Новоросский, Семеновский, расстояние от Новозыбкова 25-60 километров, и те приезжают в Новозыбков за хлебом” [18].

Автор письма просил высшую государственную власть в лице всесоюзного старосты М.И.Калинина “выслать беспристрастного, надежного товарища”. При этом он подчеркивал, что Новозыбков “ни такая-то там глухомань”, через него

идет поезд из Москвы. В самом городе “*пусть он возьмет извозчика и скажет ему, чтобы он его повозил по всем хлебным магазинам*” [19].

Основными средствами преодоления пространства в рассматриваемый период времени оставались железная дорога и извозчики. В отличие от телефона, который воспринимался по преимуществу способом межличностной коммуникации и автомобиля, являвшегося дефицитным и дорогостоящим товаром, они являлись наиболее доступными и надежными средствами передвижения для населения. Недаром во многих жалобах граждане для искоренения “*безобразий на местах и наведения порядка*” требовали личного приезда представителей вышестоящей власти, а не их телефонного звонка.

Так, в заявлении членов и кандидатов партии Макеевских государственных рудников им. Томского, направленного на имя В.М.Молотова в 1928 г. с просьбой урезонить “*распоясавшееся руководство*”, отмечалось, что телефон используется им для личных оскорблений, а автомобиль - для увеселительных поездок: “*Вся эта компания принялась усердно пить и ездить на охоту за зайцами... мы подали заявление в К[онтрольную] К[омиссию], которая как будто бы начала следствие, но прошло уже три месяца и дело застыло. А проделки начали учащаться, причем это делалось даже с целью, чтобы показать, что мы, дескать, Вас не боимся и то, что Вы пишете, на нас не действует. Что неоднократно высказывал мне по телефону сам управляющий Есин во время вызова лошадей или машины с конного двора. Для развозке гулящих, говоря мне по телефону: “Пеший, подай мне на квартиру лошадей или машину и запиши себе в блокнот, что я сегодня еду на охоту или пьянствовать, а я все-таки потом за все твои записи посчитаюсь”* [20].

Пространство новой жизни, границы которой полностью зависели от грядущей мировой пролетарской революции, вмещало в себя различные по масштабу и протяженности топоры: от глухих деревушек, затерявшихся в сибирской глуши, до крупных промышленных центров. Плотность их заселенности и пригодность для жизни определялись различного рода обстоятельствами - от соображений личной безопасности до текущих социально-экономических потребностей развития советского государства. Неоднородность и прерывистость советского пространства образца 1920-1930-х годов преодолевались при помощи различных средств передвижения, наиболее распространенными среди которых являлись железная дорога и гужевой транспорт. Пространство все чаще выполняло функции социального маркера, отграничившего новую жизнь от неприглядного прошлого. При этом ландшафт городского пространства свидетельствовал о том, что непроходимых границ между ними пока еще не сложилось.

1. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. - М., 1997. - С.143.

2. Там же.

3. Там же. - С.152-153.

4. Подробнее о концепте “перекати-поле”: Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. - Wien, 2001.

5. Никольское происшествие // Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. - М., 1997. - С.154-155.

6. Там же. - С.143.

7. В “Крестьянскую газету” // Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. - М., 1997. - С.167.

8. Письмо анонимного автора В.И.Ленину // Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. - М., 1998. - С.217.
9. О рае // Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. - М., 1997. - С.167-168.
10. Там же. - С.169.
11. Государственное учреждение "Национальный архив Республики Адыгея", ф.1, оп.1, д.28, л.3.
12. Там же, д.28, л.3об.
13. Там же, ф.Р-79, оп.1, д.2, л.29.
14. Там же, д.9, л.28.
15. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. - М., 1997. - С.170.
16. Там же. - С.171.
17. Там же. - С.131.
18. Письмо рабочего В.Третьякова М.И.Калинину // Письма во власть. 1928-1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. - М., 2002. - С.343.
19. Там же.
20. Заявление группы коммунистов хозяйственного отдела Макеевских рудников В.М.Молотову // Письма во власть. 1928-1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. - М., 2002. - С.2.

Хлиніна Т.П. Простір повсякденного життя радянської людини 1920-1930-х рр.: кордони, соціальні функції, практики освоєння

Стаття присвячена простору повсякденного життя радянської людини 1920-1930-х років. Розглядаються кордони, соціальні функції, практики його освоєння. Підкреслюється неоднорідність просторової організації радянського суспільства.

Khlynina T.P. The space of daily life the soviet men in 1920-1930s: bodies, social functions, practices of mastering

The article was devoted the space of daily life the soviet men in 1920-1930s. It looked the bodies, social functions, practices of mastering to space. It emphasized dissimilar the space of organization the soviet society.